

Услышав слова господина Вана, Чжао Юнь вспыхнула от жгучей ненависти; её голос, подобный плачу кукушки, истекающей кровью, разнёсся по залу:

— Твой сын в Юнчэне — лишь мерзавец, не знающий преград в своём бесчинстве! А ваши богатства? Они до последней монеты омыты потом и кровью простого люда! Вы скупаете рис за бесценок, выжидаете, пока закрома опустеют, а после продаёте его втридорога! Тьфу! Вся ваша семья — сплошь скоты, и ты всерьёз полагаешь, что я стану соблазнять тварь?! Смехотворно! Если я лгу — пусть гром небесный поразит меня и я умру мучительной смертью! Но если лжёшь ты — пусть весь род твой не найдёт покоя в могилах, а ваши трупы сожрут дикие псы!

— Ты!.. — Господин Ван задохнулся от ярости, но так и не решился произнести клятву. Тот, кто совершил в жизни слишком много злодеяний, больше прочих боится гнева богов и духов.

— Клянись же! — не унималась девушка. — Вели Ван Хэ выйти и принести клятву!

Старик, едва не теряя сознание от гнева, вдруг издал холодный смешок.

— Что ж, Чжао Юнь... Вижу, ты спелась с этим Чу Си и его дружками.

Он обвёл троицу презрительным, высокомерным взглядом.

— Неужто вы полагаете, что стоит вам обвинить мой дом в злодействах, как это тотчас станет правдой? — Господин Ван повернулся к префекту Суну и церемонно поклонился. — Господин префект, раз эти люди обвиняют мою семью в убийствах, а моего сына — в насилиях, не лучше ли для начала отправить их под стражу в управу? Вы проведёте расследование, и если их слова подтвердятся — что ж, тогда и накажете нас по всей строгости закона.

— Это... — Сун Вэньчжи уже готов был согласиться, но в этот миг Чан Си рухнул на колени.

— Если мы попадём в застенки управы, разве выйдем мы оттуда живыми? — с горечью воскликнул он. — Когда погибла Цзинь'эр, её родители пошли с жалобой в уездный ямэнь, но их вышвырнули вон. Они пошли к префекту, но там им велели возвращаться к уездному судье! Все знают, что за семьёй Ван стоит канцлер, и в Юнчэне правите вы, а не закон! Сюда не достигает даже взор Сына Неба!

От этих слов по залу пробежал ропот изумления.

Лишь теперь хозяин дома по-настоящему присмотрелся к говорившему. Лицо этого человека казалось ему смутно знакомым. Тем временем Чан Си вновь склонился перед «вторым молодым господином Шэнь».

— Господин, на самом деле нет никаких призраков. Всё это — лишь хитрость человека, чьё сердце не смогло смириться с гибелью Цзинь'эр. Я был актёром в саду Плывающей Парчи, моё имя — Чан Си, и мы с Цзинь'эр любили друг друга. Молодой господин Ван польстился на её красоту и взял силой, а после — в порыве гнева ударил головой о стол, лишив жизни! Тогда я проник в ваш дом под именем Чангуя, притворившись слугой, и пустил в ход актёрское мастерство и уловки, дабы заставить убийцу раскаяться в содеянном!

Так это был Чангуй! Господин Ван и подумать не мог, что «мстительный дух» в его поместье — дело рук человеческих. Значит, и этот Чу Си — обыкновенный шарлатан! Но именно из-за этого пройдохи его сын теперь лежит в постели, не в силах пошевелить и пальцем!

Ярость вскипела в его груди. Он твёрдо решил, что сегодня не выпустит из этого зала никого из троих.

— Что ж, господин префект, теперь вы видите! — с ледяной усмешкой произнёс старик. — Перед вами — банда обманщиков. По законам династии Лун их место в темнице! Все их обвинения против моего дома — лишь пустые слова, не подкреплённые ни единой уликой. Зато доказательств их собственного мошенничества — хоть отбавляй! Живо уведите их в управу!

На сей раз префект Сун не колебался: теперь у него были все основания бросить смутьянов за решётку. Но прежде чем он успел отдать приказ, раздался голос Цзи Линьси:

— Кто сказал, что улики нет?

Господин Ван обернулся к нему:

— Чу Си, неужто ты думаешь, что девица, которую ты приволок невесть откуда — это неопровержимое доказательство?

Он намеренно не упомянул о пленницах во дворе. Слуги уже получили негласный приказ «разобраться» с ними. Стоит лишь отправить этих троих в тюрьму, и знатные юнцы, решившие поиграть в справедливость, ничего не смогут ему сделать.

Линьси небрежно отряхнул рукава и расправил плечи:

— Она — лишь первое доказательство.

Он в упор посмотрел на хозяина поместья, и в его взгляде было нечто такое, что заставило старика ощутить безотчётную тревогу.

— Но у меня есть второе доказательство, и третье, и четвёртое, и пятое, и шестое...

— Колодец в павильоне Цзюньцзы... персиковые деревья за залом Аньцзюй... пруд в срединном дворе... — Линьси перечислял места одно за другим, и с каждым словом лицо господина Вана становилось всё бледнее. Глядя на его ужас, Даос улыбался всё шире — и в этой улыбке сквозило торжество пополам с коварством. — Под каждым из этих мест лежат кости тех, кого погубила ваша семья.

Но в мгновение ока это выражение исчезло с лица юноши. Обернувшись к Чу Юю, он ухватился руками за край стола, и в его глазах мгновенно вскипели слёзы:

— Господин! Всё это — свидетельства преступлений дома Ван! Прикажите лишь проверить эти места, и вы найдёте тела несчастных! Молю, восстановите справедливость!

Чу Юй, приняв правила игры, холодно произнёс:

— Что ж, раз так — надобно проверить. И если слова подтвердятся, господин Ван будет отправлен на допрос в Суд высшей инстанции.

— Пойдите!!

Чу Юй взглянул на собеседника, но тот, не обращая внимания на гостя, шаг за шагом двинулся к Линьси. В каждом его слове сквозила неприкрытая жажда крови:

— Кто... кто рассказал тебе об этом?

Линьси обернулся и невинно хлопнул ресницами:

— Разумеется, ваш любезный сын Цзиньчжи. Вчера, когда я брал у него кровь, я сказал ему, что в доме скопилось слишком много обиды. Мол, если он укажет места, где лежат мертвецы, я наложу там умиротворяющие формации, и тогда кровь больше не понадобится. И ваш Цзиньчжи выложил мне всё как на духу.

Юноша сделал паузу и добавил:

— А ещё он поведал, что ваша супруга отравила двух ваших любимых наложниц. Рассказал, как сам обесчестил более тридцати дев, семерых из которых убил, а прочих забили до смерти ваши люди.

При каждом упоминании сына лицо господина Вана искажалось всё сильнее, а госпожа Ван, стоявшая подле, смертельно побледнела.

— Ты!..

— Ты!..

— Ты коварно воспользовался доверчивостью моего сына! Подлый, низкий негодяй!!!

Старик огляделся и, схватив со стола нож для фруктов, бросился на Линьси.

Тот, хоть и считал себя человеком не самого высокого полёта, по сравнению с семейством Ван казался себе едва ли не праведником. Этот дряхлый старик всерьёз надеялся ранить его? Позволить такому существу коснуться края своих одежд — значило бы расписаться в полной никчёмности. Однако в голове Цзи Линьси тотчас пронеслась тревожная мысль.

«А если я уклонюсь, не заденет ли этот безумец моего возлюбленного?»

В нём мгновенно вспыхнуло желание защитить своего «принца». А следом пришла и третья мысль.

«Если я получу рану, защищая прекрасного господина, и немного пострадаю на его глазах... — размышлял он, — быть может, это вызовет в его сердце искру сочувствия и нежности?»

Рассудив так, юноша громко возопил:

— Я не позволю тебе тронуть господина!

И бросился на господина Вана с голыми руками.

Чу Юй: «...»

Янь Хуай, всё ещё сдерживающий слуг: «...»

Настоящий Шэнь Вэньчжи, молча наблюдавший со стороны: «...»

Глава поместья, задыхаясь от ярости, почувствовал во рту металлический привкус крови. После короткой схватки даос намеренно подставил руку под лезвие ножа, позволив старику оцарапать себя, после чего точным ударом ноги отбросил нападавшего прочь. Схватившись за окровавленное предплечье, Линьси отступил к Чу Юю, изображая невыносимую боль.

Видя это, Чу Юй понял, что время для балагана истекло. Он поднялся со своего места, обошёл стол и, бережно придерживая Линьси за плечи, обратил ледяной взгляд на господина Вана:

— Похоже, каждое слово здесь — правда. Господин Ван, пользуясь именем канцлера, вы чинили бесчинства и лишили жизни многих невинных. Признаёте ли вы свою вину?

Госпожа Ван поспешно подбежала к мужу и подхватила его:

— О господин!

Старик, опираясь на руку жены, выпрямился. Он обвёл взглядом присутствующих: уездный судья впал в оцепенение, префект Сун пребывал в нерешительности... Против него были лишь эти двое столичных юнцов, не ведающих жизни, да Чжао Юнь, Линьси и Чан Си. Все прочие в этой зале были его людьми.

Признать вину?

Никогда.

<http://bllate.org/book/15344/1372728>